

Хэ Ци задумался на мгновение, затем, всё ещё колеблясь, произнёс:

— Может, лучше нам всё-таки обратиться к полиции, чтобы они могли тебе помочь?

Син Янь понял его намёк и осознал, что ему следует проявить такт. Поэтому он отказался от доброго предложения и, развернувшись, уже собрался уйти.

Хэ Ци наблюдал, как тот поворачивается, его унылая фигура удалялась, и в душе поднялась странная смесь чувств, сопровождаемая ощущением вины, будто он совершил какую-то ошибку. Хотя он и не понимал, в чём именно провинился. Видя, как мужчина поднимает ногу, готовясь уйти, не оглядываясь, Хэ Ци запаниковал и поспешил остановить его, на этот раз проявив неожиданную твёрдость:

— Если не хочешь жареной лапши, можем съесть что-то другое, но ужин я обязательно угощу тебя. Пусть это будет празднование твоего возрождения, хорошо?

Син Янь подумал и кивнул.

Он по-прежнему шёл далеко позади Хэ Ци, который каждые несколько шагов оглядывался, чтобы убедиться, что тот всё ещё следует за ним. Подойдя к ларьку с лапшой, Хэ Ци остановился у горячей печи, где хозяин, ловко управляясь с половником, поздоровался с ним и спросил, что он хочет заказать. Рассеянно Хэ Ци заказал две порции жареной лапши, но, обернувшись, обнаружил, что мужчина исчез! В тот же миг он запаниковал, решив, что не уследил, и тот снова отправился искать смерти. Уже собираясь броситься на поиски, он заметил высокую сгорбленную фигуру под тенью дерева и тут же успокоился. Хозяин что-то сказал ему, но он не расслышал.

— А?

— Я спрашиваю, острое или неострое? — снова спросил хозяин с северо-восточным говором.

— Ах, да-да, — поспешно кивнул Хэ Ци. — Острое, оба острое.

Он снова взглянул в сторону тени, где Син Янь стоял неподвижно, словно призрак в ночи или вампир, только что выбравшийся из могилы. Вокруг ларька витали запахи человеческой жизни, но, казалось, они не могли достичь его.

Рядом стояло несколько пустых столиков, и в ларьке было мало народу. Хэ Ци подозвал Син Яня и выбрал столик подальше от людей.

Комары жужжали вокруг лампочки, висящей над ними, и один из них сел на руку Хэ Ци, который хлопнул его ладонью. Капля алой крови под светом лампы казалась тёмной. Он равнодушно вытер руку о брюки — всё равно эту одежду он собирался сменить сегодня.

Син Янь некоторое время колебался на месте, пока хозяин не поставил две порции жареной лапши на стол. Хэ Ци крикнул ему:

— Сюда, сюда! Садись сюда!

Только тогда он медленно, словно девушка из знатной семьи, подошёл.

Подойдя, он выглядел смущённым, не зная, то ли стоять, то ли сесть, боясь испачкать чужой стул своей одеждой. Хэ Ци уже начал есть, но, увидев, что тот всё ещё стоит, спросил:

— Почему не садишься?

Некоторое время он смотрел на Син Яня, затем, наконец, понял, украдкой взглянул на хозяина, который всю управлялся с сковородой, и тихо сказал:

— Ничего страшного, садись! Я заплатил за лапшу, он ничего не скажет.

Син Янь сел и, видимо, сильно проголодавшись, начал жадно есть, с такой скоростью, что даже Хэ Ци был ошеломлён, наблюдая за ним. Внезапно он воскликнул:

— Чёрт! Я забыл, что ты не ешь жареную лапшу!

На его лице появилось выражение досады.

Син Янь замедлил движения палочек, медленно поднося лапшу ко рту. Даже опустив голову, Хэ Ци заметил, как две крупные слёзы упали в миску.

Он молча доел всю порцию.

Хэ Ци не знал, что ему сказать, и, закончив есть, позвал хозяина, чтобы расплатиться. Оглянувшись, он увидел, что Син Янь исчез.

Он резко вскочил со стула, огляделся вокруг, но нигде не увидел мужчину. Спросив хозяина, тот ответил, что он ушёл, только что.

Хэ Ци сделал пару шагов в указанном направлении, затем остановился. Стоя под тусклым уличным фонарём, он смотрел на пустую улицу, утешая себя мыслью, что мужчина, скорее всего, больше не станет делать глупостей.

Пусть это будет просто мимолётная встреча. Он сделал всё, что мог.

Внезапно Хэ Ци почувствовал сильную усталость, как физическую, так и душевную. Долгие часы работы и нервное напряжение наконец дали о себе знать. Завтра была суббота, и оставшуюся часть ночи он решил посвятить хорошему сну. Повернувшись, он пошёл по длинному пологому склону к своему старому многоквартирному дому, поднялся в тёмной лестничной клетке на шестой этаж и вошёл в свою комнату на чердаке.

Достав из портфеля связку ключей, он открыл железную дверь, сразу же снял всю одежду и, оставшись в одних трусах, медленно добрался до кровати, устлавшись на жестяную крышу.

Он был невероятно уставшим, казалось, с тех пор как начал работать, он никогда не чувствовал себя настолько измождённым. Перевернувшись на кровати, он положил голову на руку и ещё некоторое время лежал, борясь с внутренними противоречиями, прежде чем с трудом подняться и тяжёлыми шагами направиться в узкую ванную комнату.

После душа он, совершенно обнажённый, с наслаждением улёгся на кровать и погрузился в глубокий сон.

На следующий день он открыл глаза уже ближе к полудню. Прищурившись, он посмотрел на часы на стене и снова уткнулся лицом в мягкую подушку.

Вдруг в животе раздался громкий урчащий звук, и он мгновенно открыл глаза, вскочил с кровати и поспешил в туалет.

Вчера он был настолько уставшим, что после душа забыл одеться и, едва коснувшись головой подушки, заснул, даже не укрывшись одеялом.

— Неудача, неудача, — сокрушался он, сидя в туалете.

Закончив с делами, Хэ Ци послушно оделся. Живот снова заурчал, на этот раз от голода.

Он нашёл в шкафу оставшийся с прошлых дней хлеб, поставил чайник на плиту в маленькой кухне, поставил на стол овсянку и молоко, открыл ноутбук и начал свои выходные.

Комната, которую снимал Хэ Ци, хоть и была небольшой, но имела всё необходимое, и главное — была дешёвой. Кроме проблемы с протекающей крышей, она была вполне неплохой. Особенно для такого иногда романтического человека, как он. Что могло быть романтичнее, чем сидеть на чердаке летним вечером, наслаждаясь прохладным ветерком, представляя, что он находится в одном из бедных кварталов Гонконга, как в фильмах, ожидая, когда взлетят белые голуби, пролетая через переплетение антенн, проводов и бельевых веревок.

Он открыл Weibo, где в трендах были новости о том, как какой-то актёр изменил, а какая-то актриса, возможно, разводится. Он бегло просмотрел их, почувствовав скуку, и закрыл страницу. Затем он открыл фильм, который заранее скачал на жёсткий диск, устроился поудобнее в кресле и, завтракая, погрузился в атмосферу далёкого прошлого на другом конце света.

Это был двухчасовой фильм, и, закончив его, он увидел, что на улице ещё светло. Послеполуденное солнце пробивалось через окно комнаты, обжигая его кожу и заставляя потеть. Он подошёл к окну, задернул шторы, включил единственный напольный вентилятор и запустил чёрно-белый фильм — «Касабланка».

Фильм закончился в облаке белого тумана, и Хэ Ци закрыл проигрыватель. На улице уже наступил вечер, а в комнате, из-за задернутых штор, стало совсем темно. Он включил настольную лампу, достал из ящика несколько монет, натянул шлёпанцы и, шлёпая, спустился по лестнице, чтобы купить себе холодную лапшу на ужин.

Когда Хэ Ци купил ужин и уже собирался подняться наверх, чтобы поесть и поиграть с постоянной командой, он почувствовал у входа в дом странную атмосферу, отличную от обычной.

Как будто чьи-то глаза следили за ним из какого-то угла.

Хэ Ци немного поколебался, но всё же открыл железную дверь. Поднявшись по лестнице, он специально остановился, чтобы убедиться, что тяжёлая дверь плотно закрылась, затем тихо вернулся и, выглянув через прутья решётки, попытался разглядеть, нет ли поблизости подозрительных личностей.

При мысли о «подозрительных личностях» перед его глазами возникла грязная, растрёпанная голова. Хэ Ци тряхнул головой, грубо отгоняя нереальные мысли. Убедившись, что никого нет, он быстрыми шагами поднялся по лестнице.

Ужин лучше всего есть на закате, чтобы насладиться видом с просторного чердака.